

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ НАРРАТИВЕ: ОТ ДИСКУРСА К СИНТАКСИСУ

А.О.Литвиненко
Московский государственный университет
alechka_lit@km.ru

1. Цель и материалы исследования. Методика работы. Набор риторических рассматриваемых отношений

Данная работа представляет собой продолжение исследования, ставящего целью изучение способов грамматикализации структуры дискурса (в частности, временных и причинно-следственных связей) в русском языке. Цель его — выяснить, какие синтаксические и лексические средства используются в русском нарративе для оформления причинно-следственных дискурсивных связей. Для этого был проведен анализ двух групп текстов: устных и письменных нарративов.

Методика проделанной работы такова. Сначала интересующий автора корпус текстов был описан с помощью аппарата, предлагаемого **Теорией риторической структуры**. Затем был выделен набор риторических отношений, соответствующих интересующим автора дискурсивным связям. Наконец, на третьем этапе работы был проведен анализ средств, использованных для оформления конструкций с данными отношениями.

Теория риторической структуры, разработанная американскими лингвистами Уильямом Манном и Сандрой Томпсон в 1980е гг., предполагает описание дискурсивной структуры в виде *дерева*, где в узлах находятся так называемые элементарные дискурсивные единицы (как правило, это предикации), а связывают их дискурсивные (семантические) отношения. Большинство отношений являются бинарными и несимметричными, в этом случае главная дискурсивная единица называется ядром, второстепенная — сателлитом. Пример такого рода отношений — причина, следствие, уступка, обстоятельство, фон и т.п. Существуют и симметричные небинарные отношения, которые связывают одинаковые с точки зрения дискурсивной значимости единицы, например, конъюнкция, временная последовательность, список. Подробнее об использовании этой теории см. (Mann, Matthiessen, Thompson, 1992), (Кибрик, Плуноян, 1997), (Литвиненко, 2001).

В исследовании были использованы следующие материалы. В качестве устных нарративов использовались данные корпуса детских рассказов о сновидениях, собранных кандидатом медицинских наук Е. А. Корабельниковой в 1999-2000 гг.¹. Весь корпус включает 69 рассказов детей с различными невротическими заболеваниями и 60 рассказов здоровых детей. Однако в данном исследовании использовались не все рассказы, так как некоторые из них представляют собой не нарратив, а описание или рассуждение. Основным критерием для отбора служило наличие/отсутствие в дереве симметричных отношений Sequence (временная Последовательность) или Consequence (Следование, т.е. последовательность, осложненная причинно-следственной связью), составляющих «костяк» нарратива. Таким образом, было проанализировано 67 рассказов детей с различными невротическими заболеваниями и 59 рассказов здоровых детей.

Для сопоставления устного и письменного нарратива были использованы 15 историй с сайта anekdot.ru. Эти истории представляют собой забавные случаи, изложенные их участниками или свидетелями в письменном виде, однако не литературным, а вполне разговорным русским языком. Это последнее обстоятельство и определило в первую очередь выбор автора: нужно было получить материал, незначительно отличающийся по стилю от

---

¹ Материалы, используемые непосредственно в данной работе, были получены в рамках работы над проектом, поддерживаемым грантом РФФИ №02-06-80037.

имеющегося в нашем распоряжении устного материала, но письменного характера. К тому же данный сайт не является форумом, поэтому интерактивность (активное взаимодействие с адресатом) в данном типе дискурса сведена к минимуму (точнее, к нулю). Истории отбирались по следующему принципу: это должны были быть нарративы (поэтому истории, сводящиеся к пересказу смешной фразы или надписи, были отброшены), причем достаточной длины, не менее 20 единиц. Ограничение на длину связано с необходимостью сведения к минимуму количества «лишнего» материала, т.е. текстов, не включающих интересующие автора дискурсивные отношения. Как мы увидим в дальнейшем, уже сейчас наши данные, несмотря на небольшой объем, позволяют сделать очень важные выводы о различиях между устным и письменным нарративом.

На данном этапе работы из рассмотрения была исключена такая комбинация временной и причинно-следственной связи, как Consequence (Следование). Таким образом, интересующие нас причинно-следственные связи были представлены следующим кластером риторических отношений:

1. • Volitional, Non-volitional Cause (Волитивная/Неволитивная причина)
2. • Volitional, Non-volitional Result (Волитивный/Неволитивный результат)
3. • Justify (Обоснование)

Под термином «волитивность» в данном случае понимается контролируемость, намеренность действия. Волитивная (Неволитивная) причина — это дискурсивная единица, обозначающая причину некоторого контролируемого (или, соответственно, неконтролируемого) действия, которое более дискурсивно важно, чем указанная причина (таким образом, в данной группе причина является спутником, а результат - ядром ситуации). Волитивный (Неволитивный) результат — это обратное отношение: контролируемое (или неконтролируемое) действие представляет собой спутник, а то действие или ситуация, которое его вызвало, является ядром всей группы. Заметим, что в обоих случаях из пары «причина-следствие» на контролируемость проверяется следствие, вне зависимости от того, что из них находится в ядре. Наконец, Justify (Обоснование) — это причина не к действию, а к эмоционально-оценочным высказываниям либо же к нереализованным ситуациям («пойду погуляю», «не хочу ехать» и т.п.) которые фактически представляют собой намерения. Ниже приведены примеры такого рода конструкций.

Пример (1). Волитивная причина:

... Я испугался

и вышел на улицу².

Пример (2). Неволитивная причина:

Она включила свет.

Я ее не смог украсть.

Пример (3). Волитивный результат:

... Ко мне подходят еще какие-то двое,

... они мне что-то говорят,

... я им какую-то колкость на это отвечаю.

... Так что они ну потом ... замолчали.

Пример (4). Неволитивный результат:

... Потом мы прошли много.

Но не дошли до конца.

... И-и проиграли.

Пример (5). Обоснование:

... Я хочу бежать от него,

... (мне кажется

что он мне хочет чего-то сделать)

---

² Точками обозначены паузы (количество точек соответствует длине пауз). Здесь и далее курсивом выделена рассматриваемая часть примера, полужирным шрифтом - спутник интересующего нас риторического отношения.

В таблице 1 приведены данные о количестве вхождений указанных отношений в исследованных текстах, а также сведения об объеме исследованных текстов в т.н. элементарных дискурсивных единицах (ЭДЕ).

Таблица 1. Общие данные по анализируемым текстам

	здоровые дети	дети с неврозами	устный нарратив	письменный нарратив
Волитивная причина	7	18	25	16
Неволитивная причина	8	11	19	14
Волитивный результат	1	6	7	5
Неволитивный результат	3	8	11	12
Обоснование	3	13	16	7
Всего текстов	59	67	126	15
Общее число ЭДЕ	1107	1988	3095	938

2. Взаимное расположение ядра и сателлита в причинно-следственных конструкциях

Первый параметр, по которому будут сравниваться способы оформления причинно-следственных конструкций, - взаимное расположение ядерной ситуации и сателлита.

Взаимное расположение ядра и сателлита в комбинациях «причина + следствие»

Очевидно, что логически возможны три варианта расположения сателлита относительно ядра: препозиция, постпозиция и инкорпорация.

Пример (6). Препозиция:

Э-э ... колесо сильно пострадало,

... Серега достал .. винчестер,

и ... выстрелил,

и попал в задний мост тому, кто ... ну .. покалечил нас.

Пример (7). Постпозиция:

Там Коля плакал

из-за того что я уезжал.

Пример (8). Инкорпорация:

Капитан,

сраженный женской логикой,

молчит.

В таблицах 2 и 3 приведены общие данные по взаимному расположению сателлита-причины и ядра-следствия.

Таблица 2. Волитивная причина: взаимное расположение ядра и сателлита.

Volitional Cause	препозиция		инкорпорация		постпозиция		всего
		%		%		%	
здоровые дети	5	71,43	0	0,00	2	28,57	7
дети с неврозами	12	66,67	0	0,00	6	33,33	18
итого УСТНЫЙ	17	72,00	0	0,00	7	28,00	25
ПИСЬМЕННЫЙ	9	56,25	3	18,75	4	25,00	16

Таблица 3. Неволитивная причина: взаимное расположение ядра и сателлита.

	препозиция		инкорпорация		постпозиция		всего
		%		%		%	
здоровые дети	4	50,00	0	0,00	4	50,00	8
дети с неврозами	5	45,45	0	0,00	6	54,55	11

Итого УСТНЫЙ	9	47,37	0	0,00	10	52,63	19
ПИСЬМЕННЫЙ	6	42,86	4	28,57	4	28,57	14

Первое, на что следует обратить внимание — отсутствие в устном нарративе случаев инкорпорации причины внутрь ядра. В первую очередь это связано с практически полным отсутствием нефинитных форм в устном детском нарративе (на все случаи рассматриваемых отношений, т.е. на 78 вхождений, встречается ровно 1 деепричастие). При этом видно, что доля постпозитивной причины в письменном нарративе незначительно отличается от таковой в устном (25% и 28%), зато доля препозитивной причины заметно ниже, чем в устном - около 20% от нее «съели» случаи инкорпорации. Однако и в том и в другом случае доля препозитивной причины заметно выше, чем постпозитивной. За счет чего получается эта разница?

При более детальном анализе ситуаций «причина + следствие» можно выявить следующую закономерность. Там, где причина предшествует следствию во временном плане, предпочтителен и иконичный порядок их следования в дискурсе практически, при котором сателлит предшествует ядру.

Например, в письменном нарративе из 30 вхождений отношения «причина», имеет место предшествование причины следствию в 12 случаях. Из них в 8 случаях сателлит-причина находится в препозиции. В 4 оставшихся случаях имеет место инкорпорация причины в ядро, причем всегда следующего характера: ТОПИК + САТЕЛЛИТ + ЯДРО (см. пример 9). Таким образом, и в этом случае причина и следствие расположены иконично.

Пример (9).

Через неделю пребывания в «гостеприимной» столице,

успевши пообедать приютивших меня знакомых

и прослышав по радио,

что-де командировочные и им подобные имеют таки право купить без «визитки» грамм 200 или 300 колбасы,

я решила на эксперимент.

В устном детском нарративе эта тенденция также просматривается, но не настолько четко: из 33 вхождений отношения «причина», где причина семантически предшествует следствию, в 25 случаях порядок следования иконичен. Возможно, что в оставшихся случаях речь идет об особой стратегии подачи информации, аналогичной той, что описывается ниже для конструкций с обоснованием. Вероятно, в некоторых случаях указание на причину события функционально играет роль обоснования действий, причины которых неочевидны, аналогично обоснованию намерения, оценки или определенной эмоции. Часто это сопровождается выражениями неуверенности типа «почему-то»:

Пример (10).

Папа очень сильно нам навредил,

и его посадили как в тюрьму.

... Такое помещение очень сырое и темное,

и ... с решеткой.

Такая дверь вся из решетки.

... Вот.

И я пришла его навестить,

мне почему-то стало его очень жалко,

вот,

и он стал еще больше меня унижать.

Также следует обратить внимание на то, что в устном нарративе доля случаев постпозиции неволитивной причины (около 50%) заметно выше, чем волитивной (около 30%). Возможно, это различие объясняется близостью ядра конструкции с неволитивной причиной («проснуться», «упасть», «удариться», «не узнать», «не успеть») и таких типов ядра конструкции с обоснованием, как «страшно», «нравиться», «не бояться», «не знать, что делать». Наблюдающаяся в обоих случаях неконтролируемость значительно сближает эти два типа ситуаций. Возможно, именно неконтролируемость ядра заставляет говорящего приводить пояснения, причем постфактум.

Пример (11).

И мне вроде как к нему нужно подойти.

Но ... я не могу.

Внутри что-то вот ... не пускает.

Отметим, что **результат**, в отличие от причины, **всегда располагается** по отношению к ядру **иконично**, т.е. следует за ним:

Пример (12).

Он очень сильно шатался,

когда я ходила,

и я все время падала с него.

<И> просыпалась.

Пример (13).

Почти на уровне третьего этажа секция водосточной трубы, по которой в этот момент карабкался Лешка, выпала

и тот полетел в обнимку с ней вниз,

громко грохоча жестью обо все выступающие части дома,

и,

приземлившись на клумбе,

мгновенно отключился.

Сашка оказался отрезанным снизу,

и,

несмотря на возникшие сомнения в слегка протрезвевшем от увиденного мозгу,

мог продолжать двигаться теперь только вверх.

Взаимное расположение ядра и сателлита для предикативного обоснования

Как уже говорилось, обоснование - это указание причины для оценок, эмоций, неуверенности, а также нереализованных ситуаций: намерений, желаний, обещаний.

Пример (14). Обоснование намерения:

Я тебе не дам.

... Потому что ты со мной дерешься.

Пример (15). Обоснование умозаключения («я так решила, потому что...»)

Озеро ... какое-то,

.. или речка, или озеро,

но по-моему озеро,

потому что .. как-то .. маленькое такое,

небольшое.

Пример (16). Обоснование эмоционального состояния:

Ты знаешь - мне почему-то никогда ни до того, ни после так хорошо и спокойно не было.

И грустно немного.

А ты бы не хотел хоть пять минут побыть ангелом,

особенно в армии среди мата и оружия всякого?

В таблице 4 приведены данные по взаимному расположению обоснования и ядерной ситуации.

Таблица 4. Обоснование: взаимное расположение ядра и сателлита.

	препозиция		инкорпорация		постпозиция		всего
		%		%		%	
здоровые дети	1	33,33	0	0,00	2	66,67	3
дети с неврозами	1	07,69	0	0,00	12	92,31	13
итого УСТНЫЙ	2	12,50	0	0,00	14	87,50	16
ПИСЬМЕННЫЙ	0	0,00	0		7	100,00	7

Интересно, что Обоснование практически всегда располагается в постпозиции, тогда как другие типы причин, как мы уже видели, ведут себя по-другому. Вероятно, дело в том, что обоснование практически всегда преподносится говорящим запланированно, как специальное пояснение к уже высказанной оценке или эмоции. Таким образом, сначала называется более важное (сама оценка или эмоция), а затем уже приводится мотивация ее появления. В двух случаях в нашем корпусе, когда это не так, говорящие явно излагают свой ход мыслей, приведший их к появлению обоснуемых мысли или решения, т.е. проводят реконструкцию реальных событий прямо по ходу рассказа. А именно, в обоих случаях обоснование приводится внутри т.н. чужой речи, т.е. при цитировании (см. примеры (17) и (18)).

Пример (17).

ээ ... короче на бал меня пригласили,

... а у меня нет платья.

... Значит ... думаю:

«Бал ну все-таки,

как я пойду?»

Пример (18).

Я говорю

что уже поздно,

уже девять часов вечера,

я <ца> не могу,

3. Различные средства маркирования (союзы, нефинитные формы и т.п.).

Выявление причинно-следственной связи в дискурсе

Второй параметр сравнения анализируемых конструкций - маркирование причинно-следственной связи с помощью союзов и иных синтаксических средств.

Прежде всего, следует отметить, что с помощью союзов и союзных слов оформляется сравнительно незначительная часть рассматриваемых причинно-следственных конструкций. Так, для причины эта доля составляет 20-25% (как для устного, так и для письменного нарратива). Для результата - около 10% (по 1 вхождению на 7 и 10 вхождений волиитивного и неволиитивного результата) в устном нарративе и 0% случаев в письменном. Для обоснования же картина иная: в устном нарративе он маркируется примерно так же часто, как и причина: 25% случаев, причем это всегда один и тот же союз - «**потому что**». В письменном же нарративе союзы для маркирования обоснования вообще не используются.

При этом ни для письменного, ни для устного нарратива не удастся выделить какой-либо союз, который повторялся бы достаточно часто, преобладая над другими; напротив, почти все средства встречаются по 1 разу, за исключением того же «потому что», маркирующего также неволиитивную причину. Для сравнения: при проведении аналогичного исследования для предикативных обстоятельств времени (Литвиненко, 2002) было обнаружено, что союз «когда» используется для его маркирования приблизительно в 35-40% случаев. Здесь же не удастся выделить ни одного союза, претендующего на такую частотность. Интересно, что набор союзов, используемый в устной и письменной речи, практически не пересекается. Ниже в таблице 5 приведены все используемые в исследованных текстах союзы с каузативным значением.

Таблица 5. Причинно-следственные союзы, используемые в причинно-следственных конструкциях

	устный нарратив		письменный нарратив	
	с союзом	всего	с союзом	всего
ВОЛИТИВНАЯ ПРИЧИНА	1	25	4	16
так	1		–	
когда скоро	–		1	
поэтому	–		2	
так как	–		1	
НЕВОЛИТИВНАЯ ПРИЧИНА	4	19	3	14
потому что	2		–	
когда	1		–	
из-за того, что	1		–	
поскольку	–		1	
оттого, что	–		1	
так X, что Y	–		1	
ВОЛИТИВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ	1	7		
так что	1			
НЕВОЛИТИВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ	1	11		
так X, что Y	1			
ОБОСНОВАНИЕ	4	16		
потому что	4			
ИТОГО	11	78	7	54

Следует обратить внимание на еще одну интересную особенность устных нарративов. Известно, что русский союз «и» может маркировать как одновременность («сиду и думаю»), так и последовательность («получил пятерку и запрыгал от радости»). Так вот, в нашем корпусе постпозитивная причина НИ РАЗУ не вводится этим союзом, даже тогда, когда имеет место одновременность причины-сателлита и следствия-ядра:

Пример (18).

мама прибегает,

думает,

что-то случилось.

Зато в тех случаях, когда порядок причины и следствия иконичен, союз «и» используется очень часто: в устном нарративе им вводятся около 60% результатов-сателлитов и около 40% следствий-ядер после препозитивной причины. Таким образом, можно утверждать, что, по крайней мере, в устной речи этот союз имеет в первую очередь временное значение.

Итак, обнаруживается, что в устном и в письменном нарративе союзный способ оформления причинно-следственной связи используется приблизительно в одинаковом числе случаев: 14% и 13% соответственно.

За счет чего же происходит выявление адресатом наличия причинно-следственной связи в нарративном дискурсе? По-видимому, наиболее значимую роль здесь играет так называемая «картина мира», т.е. набор представлений о нормальном порядке вещей, которыми обладает адресат, а также комплекс его представлений о нормальном речевом сотрудничестве. Здесь можно выделить следующий комплекс представлений:

4. • Большинство явлений и событий окружающего мира происходит по определенной причине (или, как гласит пословица, «просто так только кошки родятся»). Например, люди падают, потому что спотыкаются, поскользываются или потому что их толкают, однако обычно не падают сами по себе.
5. • Если говорящий соотносит в одном контексте некое событие и некую ситуацию, которая может быть проинтерпретирована как причина этого события, то следует принять эту интерпретацию, если говорящий не отметит, что это не так (если же он этого не сделает, то нарушит принцип кооперации, позволив адресату ошибиться). Пример: если некий лингвист говорит «Завтра я уезжаю в Протвино. Там начинается семинар «Диалог-2002», то, если не сказано ничего иного, это будет значить, что этот лингвист едет именно на семинар, а не в гости к тете. Если же спустя несколько минут разговора окажется, что лингвист едет к тете, а про семинар упомянул случайно, то адресат будет вправе обвинить лингвиста в неаккуратности высказываний.

Таким образом, можно предположить, что слушающий или читатель самостоятельно устанавливает большинство стандартных причинно-следственных связей в нарративе, избавляя говорящего/пишущего от необходимости их специально маркировать. В нашем корпусе многие примеры хорошо соответствуют этой гипотезе:

Пример (19).

<Ну вот значит> шла-шла,
... и вдруг там колодец был,
а я его не видела за травой.
Я упала туда.

Пример (20).

Ну ... ээ мне приснился сон.
...Что-о я стою,
и вдруг пришел ко мне Вид.
...Я... его не узнал,
он какой-то был совершенно как человек,
... китаец.

Пример (21).

.. и подружка .. значит .... мээ .. ээ .. ее кто-то .. стукнул,
.. и она попала в больницу,

Наконец, следует также обратить внимание на то, что в письменном нарративе при оформлении причины значительный процент случаев составляет использование нефинитных форм глаголов (суммарная доля причастий и деепричастий составляет 50% от общего числа вхождений). Интересно, что для маркирования результатов и обоснований деепричастия практически не используются. Зато для оформления результатов и обоснований часто используются стативные предикации, настоящее историческое и даже сослагательное наклонение. Иногда сама смена глагольного оформления дискурсивной единицы указывает на переход от активного развития событий к их результату: ср., например, в примере (22) переход от настоящего исторического к прошедшему времени с перфективным значением.

Пример (22).

*Колеса срываются в юз,
машина ныряет влево,
морда в кювет,
переворот через крышу вперед,
становится на колеса,
тихо докатывается.*
Жесткая крыша Wranglera остается на земле.
*На крыше,
прижав бутылки с водочкой к груди,
лежит третий участник,
а в радиусе пятнадцати метров валяются мятые пакеты с соком.*
**Ни одна из восьми бутылок водки не разбилась,
а все участники заезда получили ушибы и переломы.**

4. Выводы

На основании проделанной работы могут быть сделаны следующие выводы. Во-первых, что при наличии между причиной и следствием также и временной связи предпочтителен иконический порядок их следования в дискурсе: сначала предшествующая причина, затем следствие. Вследствие этого предикативный результат всегда находится в постпозиции к ядру, предикативная причина сильно тяготеет к препозиции. Между тем при указании вневременной или одновременной причины возможны как постпозиция, так и инкорпорация ее. Во-вторых, что, в отличие от временных связей, для оформления причинно-следственных связей союзы используются нечасто; при этом среди них нет такого союза, который бы использовался заметно чаще других (на эту роль может претендовать только союз «потому что», но и он не слишком частотен). Наконец, что значительную роль в выявлении адресатом причинно-следственных связей в дискурсе играет так называемая «наивная картина мира», т.е. представления о нормальном ходе вещей, а союзы используются либо для введения нестандартных ситуаций, либо в целях «усиления эффекта» и убеждения собеседника.

Литература

1. (Mann, Matthiessen, Thompson, 1992) William Mann, Christian Matthiessen, and Sandra A. Thompson. Rhetorical structure theory and text analysis. // *Discourse Description*. Amsterdam: Benjamins, 1992; 39-78.
2. (Кибрик, Плунгян, 1997) А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. Функционализм. // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*, изд. МГУ, 1997. 276-339.
3. (Корабельникова, 1997) Сновидения при невротических расстройствах у детей и подростков (автореферат диссертации кандидата медицинских наук). М., 1997.
4. (Литвиненко, 2001) Литвиненко А.О. Описание структуры дискурса в рамках теории Риторической структуры: применение на русском материале. // *Труды Международного семинара Диалог '2001*, т.1, 159-168.
5. (Литвиненко, 2002) Литвиненко А.О. Предикативное обстоятельство времени в устном детском нарративе. // *Труды Международного семинара Диалог '2002*, т.1, 252-261.